

Проблема жанровой идентификации в «художественной прозе» Мориса Бланшо

Никишина Татьяна Юрьевна

Студентка Самарского государственного педагогического университета,
Самара, Россия

В творчестве Мориса Бланшо можно условно выделить три составные части: художественную (беллетристическую – от двусмысленного «fiction»), критическую и философскую [Лапицкий: 539]. Проза М. Бланшо – одна из самых тяжелых, густых, наполненных перекликающимися смыслами, поэтому никакой метаязык не способен вместить ее целиком.

Она постоянно сама себя проблематизирует, что приводит к негативности (в том смысле, в каком ее интерпретирует Ж. Женетт [Женетт: 284]): она перестает воспринимать себя как должное, как само собой разумеющееся, привлекает внимание к своей изначальной искусственности и проблематичности.

Выделяя «художественную прозу» Бланшо, мы исходим, в первую очередь, из жанровой принадлежности его произведений. Большая часть «художественных» произведений (мы не исследуем романы Бланшо) помечена автором термином «*récit*», что в переводе на русский язык означает «рассказ» [Лапицкий: 550]. Французский термин «*récit*», имеет широкий спектр значений, основное из которых: «*toute relation orale ou écrite de faits vrais ou imaginaires*», то есть все то, что повествуется. Этот термин не совпадает по значению с русским «рассказ», малым эпическим жанром художественной литературы.

Во французской традиции термин «*récit*» представляет одно из основополагающих понятий теории литературы. При обращении к данному термину целесообразно разграничить (*récit*) повествование (повествовательный дискурс) на историю (*histoire*), содержание или фабулу в терминах структурализма; нарратацию (*narration*), и, собственно, повествование (*récit*), означающее, дискурс, повествовательный текст [Женетт: 310]. Данная классификация отсылает к оппозиции диэгесиса и мимесиса, которые сводятся к единственной функции несовершенного подражания (за отсутствием совершенного), то есть повествования. [Женетт: 293]

Само понятие «*récit*» проблематизируется Бланшо в рассказе «Пение сирен», где противопоставляется романному жанру; рассказ – это процесс, а не жанр, «это не отчет о событии, но само событие».

Такое представление о повествовании как проблеме позволяет поставить целый ряд вопросов. Существуют ли некие закономерности рассказа (на фабульном и сюжетном уровне), рассказа как «движения к точке», которое трансформирует и время, и пространство движения? Насколько проблематизация жанра «*récit*» является темой и содержанием самих рассказов, формирует «художественную прозу» Бланшо?

Рассказ – опыт бесконечности, внеположности письма, его негативной силы.

Сам жанр «рассказ» (*récit*) своей формой ознаменовал вечное «продолжение беседы» [Лапицкий: 559]. Наряду с проблематизацией возможности писать, ставится под вопрос и возможность говорить, возможность самой речи, повествования, а отсюда и повествовательности как таковой.

Литература

Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. М., 1998.

Лапицкий В. Послесловие // Бланшо М. Рассказ? Полное собрание малой прозы. СПб., 2003.